

18+

Лариса Рубцова
Тореадор

Лариса Рубцова

Тореадор

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рубцова Л. А.

Тореадор / Л. А. Рубцова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Захватывающая история о любви и верности, предательстве и зависти. О стремлении осуществить мечту и спасти себя и свою любимую, о том, что ради счастья и благополучия близких надо идти к своей цели, не боясь невзгод, что танец со смертью может закончиться совсем не так, как этого ожидают враги, что счастье приходит тогда, когда кажется, что уже все погребло и потеряно навсегда в беспощадном обществе с жестокими нравами и законами, и нет места сентиментальности, а судьба героев всегда висит на волоске. Чем все это может закончиться?

© Рубцова Л. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Часть 1

Последние звезды еще не погасли на начинающем светлеть небосклоне, когда Падре Бенито Николас де Калво подошел к собору Марии-де-ла-Седе в Севилье. Каждое утро, именно в это время, он открывал тяжелые дубовые двери, чтобы начать свой обычный день. Чуть поодаль от входа на ступенях сидели три человека: двое с ног до головы закутанные в черные одежды, скрывающие полностью фигуры и лица так, что невозможно было определить ни их возраст, ни внешность, и высокий статный юноша, в довольно потрепанной одежде. Увидев идущего к собору священника, юноша встал ему на встречу и низко поклонился:

– Простите, сеньор, нам очень нужен Падре Бенито Николас де Калво. Не подскажете, где нам его найти?

– Бенито Николас де Калво, я. Чем могу быть полезен, сын мой?

– Мы прибыли издалека, из Мексики. Я привез для Вас письмо от Падре Пио ди Кармона.

– Я очень рад этому. Входите в храм, там внутри и поговорим.

Юноша вернулся к своим спутницам и пригласил их войти в храм. Священник отметил про себя, что женщины сильно устали, но послушно пошли вслед за юношей. Внутри собора они робко сели на скамью у самой двери, страхась пройти под своды величественного сооружения. Богатое убранство храма несомненно вызвало в их душах смущение. Пока священник внимательно читал письмо, усталые путешественники тихо молились, обратив свои взоры к Святой деве Марии.

– Мой учитель пишет, чтобы я оказал вам помощь, какую только смогу. Расскажи мне все, сын мой, чтобы я смог понять, что требуется вам. Я постараюсь помочь вам в вашей беде, сделаю, что в моих силах. Но прежде, чем ты приступишь к своему рассказу, ответь мне: вы голодны?

– Я расскажу Вам, сеньор, все с самого начала. Но если Вы так добры, то нет ли здесь где-нибудь места, где бы могли отдохнуть моя мама и сестра. Они буквально валятся с ног от усталости.

Падре Бенито Николас де Калво пригласил женщин следовать за собой. Во внутреннем дворике собора находился гостевой дом, где останавливались на ночлег приезжие священнослужители. Там он открыл дверь кельи:

– Прошу вас, сеньоры, проходите. Здесь вы можете спокойно отдохнуть и привести себя в порядок. В девять часов утра прозвонит колокол. Я вернусь и отведу вас в трапезную. Отдыхайте.

Женщины вошли в комнату и огляделись, обстановка в ней была очень скромной. Две узких лавки заменяли кровати. На каждой лежало по тонкому одеялу и небольшой подушке, набитой душистым сеном. У стены висело распятое, под ним маленькая скамеечка. У крошечного окошка стоял стол и два стула. Больше в комнате ничего не было.

Женщины сняли с себя верхние балахоны. Священник, наконец, увидел их лица. Это были мать и дочь, если верить юноше. Но внешне они были совсем не похожи. Старшая, совсем еще не старая, была уже почти седой. Фигурой она напоминала скрюченную корягу, взгляд тяжелый и злой. Узловатые руки женщины, были сплошь покрыты шрамами и мозолями. Видимо жизнь обошлась с ней совсем неласково. Вторая, юная девушка, лет шестнадцати, не больше, вызвала непроизвольное восхищение. Необыкновенного цвета рыжие, почти золотые волосы рассыпались по плечам кудрявым водопадом. Огромные ярко-зеленые глаза, тонкие брови, длинные черные густые ресницы, которые еще больше оттеняли белоснежную кожу лица, казавшуюся прозрачной. Правильной формы пухлые яркие губы полуоткрыты в робкой улыбке. Они были так не похожи: хмурая изможденная мать и утонченно-нежная дочь. Падре Бенито еще раз повторил, что позже зайдет, чтобы отвести их к завтраку, прикрыл за собой дверь. Эти трое вызвали у него неподдельный интерес.

Когда он вернулся под своды собора, юноша крепко спал, уронив голову на руки, согнутые на спинке впереди стоящей скамейки. На вид ему было лет восемнадцать, или чуть больше. Высокий, стройный, внешне очень привлекательный: густая черная волнистая шевелюра рассыпалась по плечам, кожаная тесьма с затейливым орнаментом, которая раньше стягивала волосы, упала на пол. Одежда юноши была пошита из тонкой обработанной кожи, окрашенной в красно-рыжий цвет. Боковые швы штанов и рукава куртки отделаны кожаной бахромой. На ногах мягкие мокасины. Так обычно одеваются охотники и пастухи, прибывающие на кораблях из Америки.

Священник намеревался тихо отойти, чтобы не мешать спящему. Но даже легкий шорох одежды моментально прогнал сон, Юноша поднял голову и улыбнулся.

– Я вижу, ты очень устал, сын мой. Быть может тебе необходимо отдохнуть с дороги? Мы можем поговорить и позже.

– Благодарю Вас, Падре. Но будет лучше, если я Вам расскажу свою историю, пока спят мама и Лаура.

– Что ж, как пожелаешь. Я внимательно слушаю тебя.

– Меня зовут Марко Хосе Сантос. Где и когда я родился, я не знаю. Мои родители никогда не говорили мне об этом. Себя я помню, наверное, лет с четырех, когда Лаура стала делать первые шаги. Мы тогда жили на Корсике. Мой отец был рыбаком, мама ходила по разным людям, делая всякую работу, стирала белье, работала в саду и на огороде, шила и перешивала вещи. Я же оставался дома с Лаурой. Когда отец возвращался с рыбалки, мы с Лаурой старались не попадаться ему на глаза. Не помню, чтобы он когда-либо сказал нам хоть одно ласковое слово или как-нибудь приласкал. Я для него всегда был "крысенышем" или "щенком", а Лаура "адовым отродьем". Если мы не успевали вовремя спрятаться, то он бил нас всем, что попадало ему под руку и прогонял с глаз долой. В такие дни еды нам не давали до тех пор, пока он не уйдет из дома или не заснет пьяным. Мама тоже не ласковая, но она нас хотя бы не била, и даже кормила. Когда я немного подрос, то научился уворачиваться от пинков и дубинки. Это сместило отца. Тогда он, впервые, вручил мне настоящий пиратский нож, тяжелый и острый. И стал учить драться на ножах, постоянно приговаривая: "Когда ты вырастешь, то этим вот ножом, убьешь дона Хосе Викторико де Васкеса из Севильи. Запомни это имя хорошенько. И поклянись мне страшной клятвой, что сделаешь это!". Я не знал никакого дона Хосе Викторико де Васкеса из Севильи и поэтому не мог дать такой клятвы. Это ужасно злило отца. Не добившись от меня обещания убить его врага, он начинал избивать меня до потери сознания. Однажды он ударил меня так, что я пришел в себя совсем нескоро. Помню, что открыл глаза, когда мне на лицо капнула вода. Это маленькая Лаура плакала надо мной. Ей тогда было года четыре или пять. Она оттирала тряпочкой кровь с моего лица. "Cariño Marcos. Mi vida¹" Я улыбнулся ей сквозь острую боль, чтобы она не плакала, и тут услышал, как мама говорила отцу: "Если ты убьешь его сейчас, то кто отомстит потом твоему врагу?" А он ей зло отвечал: "Замолчи! Шлюха! Мне все равно, кто из них сдохнет первым! Но ты права, если крысеныш все же убьет Хосе Васкеса, я буду отомщен! Но он не хочет давать мне клятву! Мелкое чудовище.» Мама ничего не сказала, только вышла, даже не посмотрев, жив я или нет. От обиды я заплакал. А потом понял, во-первых, надо научиться защищаться как следует, во-вторых, надо всегда молчать. Если я стану говорить или кричать, то он вынудит меня дать эту страшную клятву. Не знаю, почему, не могу сказать по какой причине, я никогда так и не дал ему клятвы убить дона Хосе Викторико де Васкеса из Севильи. Кто такой этот дон Хосе? Почему мой отец так жаждал этой смерти? Почему именно я должен был стать орудием мести? На все эти вопросы у меня так и нет ответов.

¹ Cariño Marcos. Mi vida – Милый Марко, душа моя (исп.)

Время шло. Когда мне было лет восемь, или около того, я точно не знаю, весной отец отвел меня к пастуху, чтобы я помогал пасти коз и коров. За это меня кормили хозяйева этих животных. Я вставал на заре, будил маленькую Лауру, и мы шли собирать стадо. Старый пастух был добрым. Он нам рассказывал разные интересные истории. Лаура тихонько сидела под деревом и играла с камешками и травой, или ходила вместе со стариком, рассматривая разные растения и корешки. А я чистил коров и черного быка. Этого быка боялись в нашем селении все. Он был огромный, как гора, с длинными рогами, если пройти мимо него быстро или побежать, глаза быка наливались кровью, он низко наклонял голову ... и его было не остановить. Так он затоптал прежнего помощника пастуха. Никто не хотел пасти это стадо. Даже мимо старались никогда не проходить. Я совсем не боялся этого быка. Наоборот, меня постоянно тянуло к нему. Мне нравилось чесать ему под горлом и за ушами. Бык, при этом так смешно фыркал, и облизывал мне руки и лицо. Но вот однажды, случайно, маленькая Лаура побежала ко мне с горки, как раз мимо него. Он моментально озверел и погнался за девочкой. Она закричала. Я выскочил наперерез быку и стал прыгать перед ним, уворачиваясь от его острых рогов. Потом развернулся и побежал к реке. Бык погнался за мной. Я с разбега прыгнул в ледяную воду, бык тоже. Вода сразу успокоила быка. Он жалобно замычал, стоя по шею в воде. Я подплыл к нему, сказал несколько ласковых слов и почесал за ухом. Потянул за веревку с колокольчиком на шее и вывел его на берег. Там уже собрались люди. Они что-то кричали, но подойти ближе не решались. Я отвел быка в стадо. В тот раз я простудился и долго потом кашлял, а в реке потерял один башмак. Дома мне сильно влетело от отца. Первым делом он спросил, где мой нож. Убедившись, что тот, как и прежде в ножнах на поясе, он слегка успокоился, но выпорол меня своим ремнем. До самой осени я ходил босиком. Только когда на улице стало совсем холодно, мне выдали старые башмаки. Зато я стал любимцем в нашем селении. Хозяйки выносили мне хлеб и сыр, иногда молоко в кружке. Больше мы с Лаурой не голодали. А по праздникам я дразнил молодых бычков на потеху соседей. Два лета я помогал пастуху. Потом отец сказал, что я достаточно подрос, и должен помогать ему ловить рыбу. Мне совсем не нравилось море. Хотя я мог долго плыть не уставая и хорошо нырять, на спор задерживая дыхание. Пришлось учиться перебирать сети и постигать морское дело. Между тем, отец продолжал гонять меня, заставлял драться на ножах, учил убивать. Когда меня обзывали или оскорбляли моих родителей, меня это не задевало, я молчал, не поддаваясь на провокации. Но стоило однажды отцу поднять руку на Лауру, кровь бросилась мне в голову, я выхватил свой нож ... и с тихой яростью пошел на него. Тогда, впервые, он слегка испугался и даже посмотрел на меня уважительно, оттолкнув сестру в сторону. Затем тоже достал свой нож и стал меня подзадоривать, чтобы опять устроить игры до первой крови. Когда я увидел, что Лаура убежала, сразу же остыл, спрятал нож, развернулся и ушел, сказав перед этим: "Если ты или кто бы то ни был, только пальцем дотронется до Лауры, я убью любого". Я сказал это тихо, но так убежденно, что он расслышал и осклабил в усмешке, но ничего не сказал.

Теперь мне приходилось быть внимательным вдвойне. Пару раз во время рыбалки, он попытался столкнуть меня в воду. Я молча терпел. Труд рыбака совсем не из легких. Никогда не известно, каким будет улов на этот раз. Но для меня всегда была награда, когда лодка уже направлялась к берегу, я всегда видел Лауру, стоящую на огромном валуне, ее огненно-рыжие кудри развевал ветер. Она терпеливо ждала меня. Всегда. В любую погоду. Так продолжалось долго, может три или четыре года, не знаю.

Однажды, возвращаясь с рыбалки, я не увидел на знакомом валуне хрупкую фигурку. Я забеспокоился, но отец гадко засмеялся и сказал, что Лаура сейчас гуляет с женихом.

– С каким женихом? Ей нет и двенадцати лет!

– И что? Она адово отродье! Ничего! Стерпит!

Я выскочил из лодки и бегом побежал к роще неподалеку. Откуда я знал, что она там, я и сам не могу сказать. Их было четверо. Двое держали девочку за руки нарастяжку, а третий

срывал с нее платье. Четвертый стоял поодаль и командовал. Все они гоготали во все горло. Лаура плакала и мычала, во рту у нее была засунута какая-то тряпка. Оборванный фартук и курточка валялись на земле. Я выхватил нож. Плохо помню, что и как я сделал, но один из покалеченных оказался сыном богача. Его я мало задел, а вот его дружкам повезло меньше. Они провалялись в кроватках больше месяца. Зато с тех пор на Лауру больше никто не смел поднять даже глаз. Я мог убить любого. Меня стали бояться все, даже взрослые.

Дни потекли за днями. Мы все так же рыбачили. С того события я не разговаривал с отцом вообще. Молча собирался, никогда не поворачивался к нему спиной. В лодке так смотрел на него, что теперь он стал меня опасаться. Чтобы не стать совсем жестоким и озлобленным, я старался все время думать о сестре. Ей ведь тоже было совсем не сладко. Даже внешне она сильно выделялась из других. На Корсике живут в основном выходцы из Испании, и других там тоже хватает, но все люди смуглые, черноглазые, коренастые. Я не мог не замечать, что мы с Лаурой не похожи на остальных. Мне было тринадцать или четырнадцать лет, а я уже был ростом выше большинства взрослых мужчин, даже выше своего отца. А Лаура с годами становилась все красивее. Огненно-рыжие волосы стали сочного золотого цвета, а кожа на лице и руках белой и тонкой, почти прозрачной. Таких красавиц в наших местах вовсе не найти. Я знал, что очень многие начинают заглядываться на мою сестру. Меня это сильно тревожило. Лаура довольно хорошо шила. Еще совсем малышкой, она перешивала для меня старые отцовские рубашки, а из рваных курток делала мне безрукавки. Затем стала вышивать на них узоры. Сначала неумело, потом все чище и ровнее. В нашем селении стали говорить про нее, что она настоящая мастерица. Я старался, как мог, добыть немного денег, чтобы купить для нее нитки и иголки. Так мы и росли, два самых близких и родных человека, вокруг нас все были чужими.

Как-то рыбача, уже довольно долго, но без особого успеха, мы повернули лодку к берегу. Ветер крепчал. На море начиналась рябь. Волны, вначале совсем незаметные, становились все темнее и круче. Я вдруг услышал крик о помощи. Отец не хотел разворачивать наше суднышко, но я настоял. Первая заповедь моряка: "помоги тонущему". Проплыв немного, мы увидели между двух высоких волн что-то белое, как будто женское платье, оно то всплывало на поверхность, то начинало опускаться в глубину. Я, не раздумывая, бросился на помощь. Отец повел лодку за мной. Вдвоем мы кое-как подняли на борт женщину. Она успела вдоволь наглотаться морской воды и уже была почти без сознания. Еще мгновение, и она могла бы утонуть. Отец помог ей придти в себя. Она стала кого-то искать глазами. Я встал во весь рост и за очередным валом воды увидел нарядное судно, на котором у борта столпились несколько человек. Они кричали, видимо искали эту женщину. Я им помахал и тоже крикнул, приглашая плыть за нами. Видимо они увидели ее в подзорную трубу, потому что тот час повернули в нашу сторону. Волны были уже совсем беспокойными, нам удалось с большим трудом вытащить свою лодку на берег. От моря нас закрывал огромный валун, на котором, как всегда стояла Лаура. Дождя еще не было, но ветер уже срывал с нас одежду. Лаура спустилась к нам, склонилась над женщиной, которую мы с отцом с большим трудом вытащили из лодки. Женщина открыла глаза и улыбнулась Лауре. Что-то проговорила на французском языке, и лишилась чувств. Лаура стала тереть ей руки и слегка бить по щекам, пытаясь привести даму в чувство. Я пошел вдоль берега, разыскивая, куда причалило нарядное судно. Пройдя примерно с милю, я увидел, как мне навстречу торопливо идут несколько мужчин. Один из них подбежал и спросил по-французски, тот ли я человек, что был сейчас в лодке? Я ответил, что мы спасли какую-то женщину. Незнакомец обрадовался и попросил отвести их к этой женщине. Когда мы пришли, отец сидел у нашей лодки, а Лаура как могла, ухаживала за незнакомкой. Француз поднял женщину на руки и стал целовать ее, мы с Лаурой отвернулись. Потом он подошел к моему отцу, что-то сказал ему и бросил на колени толстый кошелек. Отец заулыбался и низко поклонился господам. Дома он даже не стал, по обыкновению, никого оскорблять, высыпав наш улов в бочку, приказал почистить рыбу и сразу ушел.

Его не было несколько месяцев. Мы уже думали, что он не вернется никогда. Я перестал рыбачить, а пошел ухаживать за быками к одному богачу. Он хорошо платил мне, а его сын, которого я когда-то сильно поколотил, старался не попадаться мне на глаза. Мама стала меньше уставать на поденной работе. Теперь они с Лаурой шили и вышивали нарядные костюмы для поселянок.

Как-то у нашей лачуги остановилась богатая коляска. Из нее вышли мужчина и женщина. Половина улицы сбежалась посмотреть на это чудо. Мужчина спросил про меня, кто-то из мальчишек сбежал за мной. Я пришел и увидел, что французенка внимательно рассматривает вышитые Лаурой ленты. Когда она увидела меня, сразу заулыбалась:

– Здравствуйте, месье. Мы приехали поблагодарить Вас еще раз за мое спасение. Я хорошо помню, как именно Вы вытащили меня из моря. Если бы не ваша смелость, меня бы уже не было в живых.

Я очень смутился, и не нашелся, что ей ответить.

– Скажи, милое дитя, это ты сама так чудесно вышиваешь?– обратилась она к Лауре.

– Да, сеньора.

– Я привезу тебе ленты, нитки и бусы. Я хочу, чтобы ты их расшила для меня. Хорошо? Я тебе хорошо заплачу.

– Слушаюсь, сеньора.– Покраснев как мак, проговорила Лаура.

На другой день у нашей лачуги опять остановилась давешняя коляска. Из нее вышли дама со служанкой. У служанки в руках была корзина, полная лент, ниток, бусин и всего, что только необходимо портнихам. Оказалось, что все это было в подарок Лауре. А кроме этого, она отдала ей ленты, которые надо было расшить золотом и бисером. Девочка была так рада, что даже заплакала. Она долго и дотошно узнавала, какие именно узоры должны украшать наряды госпожи. С этого времени наша маленькая семья стала жить не хуже других. Мы смогли купить себе настоящую одежду и обувь.

Мой хозяин тоже не наказывал меня. Возиться с молодыми бычками мне очень нравилось. Я должен был следить, чтобы они не сломали рога в своих драках, чтобы как следует набирали вес. Это были особенные быки, они были крупнее и злее тех, которых я видел до сих пор. Мало кто мог с ними справиться, но у меня получалось.

Дома мы впервые были по-настоящему счастливы. Теперь мама и Лаура с утра и до позднего вечера шили и вышивали. На столе у нас появилась горячая еда. Никто не ругался. Мама даже помолодела. Я думал, что нашим бедам пришел конец...".

В это время зазвонил колокол. Падре Бенито Николас де Калво поднял руку, призывая Марко прервать свой рассказ.

– Остановись, сын мой. Наступило время завтрака. Не будем нарушать правила. Зайдем сейчас за твоими спутницами и пойдем в трапезную. После завтрака я внимательно дослушаю твою исповедь.

Марко встал и смиренно последовал за священником. Подойдя к гостевому дому, Падре указал на дверь кельи, где отдыхали женщины. Марко постучал и заглянул внутрь. Лаура и Кончита сидели на своих лавках, в ожидании священника. Увидев Марко, они сразу поднялись и пошли следом за ним.

Помещение трапезной было разделено на несколько отсеков. В каждом стояли длинные деревянные некрашенные столы, а возле них с двух сторон лавки. Столы уже были накрыты. На каждом стояли кувшины, кружки, миски, возле них лежали куски хлеба и перья лука. Только на одном столе кроме этого, у каждой миски лежало по одному яйцу. За этот стол и посадили путников. В мисках оказался бобовая похлебка, в кувшине – вода.

За одними столами сидели священнослужители, за другими люди в обычной одежде, видимо те, кто работал при храме. Еда у всех была одинаковой. Прежде чем, все приступили к завтраку, Падре Бенито прочитал молитву и подал знак. В трапезной стояла тишина, наруша-

емая только стуком ложек или кружек. Когда раздался звук колокола, все встали и вышли из трапезной. Со стороны кухни открылась дверь, вышла кухарка и стала убирать посуду. Кончита и Лаура стали ей помогать. Она этому нисколько не удивилась. Только показала куда нести.

Священник одобрительно улыбнулся и позвал Марко за собой. Они вернулись под своды собора.

– Продолжай, сын мой. Я слушаю тебя.

– Но счастье наше было совсем недолгим. Однажды вечером, когда мы только сели к столу, чтобы поужинать, пришел отец. Он был поражен, увидев, что дома чисто и на столе горячая еда. "Я вижу, вы хорошо живете. Но, все равно, завтра мы все уезжаем в Мексику. Я сговорился с капитаном шхуны "Палома". Собирайтесь!" "Зачем нам уезжать?" – спросил я его – "У нас все есть. Есть дом, еда, одежда. Есть работа. Нам и здесь хорошо. Мы никуда не поедem". "Хорошо!" – он зло рассмеялся – "Ты можешь оставаться, если тебе и здесь хорошо. Но Кончита и Лаура поедут со мной! Я все сказал. Кончита, собирай вещи!" Мама стала безропотно собираться в дорогу. Лаура заплакала. Я подошел к ней и сказал: "Малышка, не плачь. Пусть они уедут. А мы с тобой останемся здесь. Я никому не дам тебя обидеть. Я буду ухаживать за быками. Ты будешь шить. Проживем. Не переживай." Но она расплакалась еще сильнее: "Cariño Marcos. Mi vida, не бросай нас. Если я не поеду, он убьет маму. Ты же знаешь. Только тебя он боится. Поехали с нами!" Я не мог ей отказать. Действительно, чем старше я становился, тем меньше отец распускал руки. Кроме того, я хорошо помнил, как он отдал свою дочь на растерзание четверем мерзавцам. Так что я тоже пошел за своими вещами.

Шхуна "Палома", на которой мы должны были плыть в Мексику, мне совсем не понравилась. Особенно отвратительным показался капитан. Он так придиричиво нас разглядывал, а когда увидел Лауру, то сказал отцу: "Продай мне девчонку! Я тебе хорошо заплачу!" Я не видел выражения лица отца, он стоял за моей спиной, но по его голосу понял, что это предложение ему небезразлично. Я никому не доверял, особенно отцу. От него можно было ожидать чего угодно. На шхуне спрятаться невозможно, но я подошел к повару, мне он показался не таким мерзким, как капитан, дал ему денег, чтобы он не выпускал из камбуза маму и Лауру. Так они и просидели всю дорогу возле повара. Мне же пришлось выполнять всякую работу. За время долгого пути, пару раз пришлось доставать нож, успокаивая самых буйных. Однажды, уже перед самым концом нашего путешествия, я услышал разговор отца и капитана. Они опять говорили о Лауре, пришлось вновь применить свои навыки владения ножом, если бы это случилось раньше, то они, скорее всего, вдвоем расправились бы со мной. Но, хвала Господу, все обошлось. Мы прибыли в Мексику. Помню, день был жаркий, узкая полоска пристани почти утонула в море, и все синее: море, небо, даже воздух казался чистым, до синевы. Только мы поднялись на холм, сразу все окрасилось в желто-коричневый цвет: песок на дороге, выжженная земля, кое-где торчащие кактусы, как огромные деревья, хижины, крытые соломой или тростником. Только на вершине холма стоит деревянный дом с небольшим куполом и крестом. Как я узнал позже, это была католическая церковь, где проводил службы Падре Пио ди Кармона.

Отец привел нас к одиноко стоящей развалюхе. На чем держалась крыша, было непонятно, сквозь покосившиеся стены хорошо просматривалась вся округа. Внутри было не лучше. На полу лежало несколько циновок, сплетенных из тростника. Комнату разделяла грязная занавеска, скорее тряпка. Это было условное деление на женскую и мужскую части. Стол был, он стоял на улице под навесом. У меня появилось подозрение, что стол подпирает стенку, чтобы она не упала. Возле него стояли два плетеных стула с продавленными сиденьями.

– Мы должны здесь жить? – спросил я отца.

– Это лучшее, что здесь есть! А не нравится, можешь убираться ко всем чертям!

– Мне все равно, но мама и Лаура не могут жить в этой дыре! Зачем ты привез нас сюда? Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты, шенок, стал, наконец, мужчиной! На днях мы с тобой вступим в береговое братство! И уйдем к берегам Колумбии за несметными сокровищами! А твоя мать и сестра будут нас ждать, как и положено всем женам моряков!

– Я не собираюсь быть пиратом!

– Тогда ты просто сдохнешь с голода! Работы здесь нет! А если я не привезу золота, то продам твою сестру! Ха-ха-ха!

Я сдерживал себя из последних сил. Не знаю, что больше жгло мне сердце: обида? Злость? Отчаяние? Зайдя в хижину, я увидел, что Лаура и мама сидят на полу на циновке и, обнявшись, горько плачут.

– Не плачьте! Не надо доставлять ему удовольствие! Раз здесь живут люди, значит, есть и работа. На кусок хлеба, я смогу заработать! А при первой же возможности, увезу вас обратно. Здесь вам делать нечего!

– Прости меня, Марко! Это я во всем виновата! Я не нашла в себе силы сопротивляться Хосе. Вот к чему это привело! И, знаешь что, не называй меня больше мамой. После всего, что с нами случилось, это еще больше разрывает мне сердце. Зови меня просто Кончита. – Мама смотрела на меня такими несчастными глазами, что я не выдержал, и ушел.

До ночи я ходил по округе, пытаюсь разузнать, есть ли где-нибудь работа или другое жилье. Но, встреченные мною люди, меня не понимали. Мы говорили на разных языках. Тогда я решил утром пойти в деревянный дом на холме, может быть там я найду человека, способного мне помочь. Ночь я провел под навесом во дворе, если его можно так назвать. Уснуть мне толком не удалось, тучи насекомых не давали мне покоя. Едва первые лучи солнца окрасили небо в розовый цвет, я ушел. Как провели ночь Лаура и мама, я не стал спрашивать. И так было понятно.

Еще на полпути к церкви, я увидел человека в темном одеянии и широкополой соломенной шляпе, видимо какого-то священнослужителя. Я прибавил шагу и быстро догнав его, учтиво поздоровался:

– Здравствуйте, сеньор! Скажите, Вы говорите по-испански?

– Здравствуй, сын мой! Конечно. Ты наверное, только приехал? Откуда?

Священник оказался совсем немолодым, я бы даже сказал, старым человеком. Но очень крепким, он шел таким быстрым шагом, что я едва успевал за ним. Помню, что меня тогда поразили его глаза. Лицо и руки были смуглыми до черноты, а глаза светлые и лучистые. В них было столько доброты и участия, что я не задумываясь, рассказал ему всю свою жизнь без утайки. Он внимательно выслушал меня, не порицая и не соболезнуя. Но после этого разговора мне, вдруг стало спокойно. Я сам понял, что нужно делать. Падре Пио ди Кармона, это был он, пообещал научить меня местному наречию, и рассказал обо всем, что творилось вокруг. Я узнал, что неподалеку местные индейцы ныряют за жемчугом. Что иногда удача им улыбается, и торговцы могут заплатить за крупные жемчужины очень неплохие деньги. А дальше, примерно в двух днях пешего хода, живет один испанец, который разводит быков особенной породы, для корриды, которая ежегодно проходит в столице. Возможно, там я найду себе хорошую работу. У меня появилась надежда. Я, как мог, поблагодарил Падре. Он же сказал, что постоянно находится при церкви, за исключением тех случаев, когда посещает заболевших. Врачей здесь нет, вот он и исполняет одновременно обязанности пастора и врача. Я еще раз поблагодарил его за заботу, и пообещал заходить как можно чаще, а сам отправился по берегу моря в поисках ловцов жемчуга. В этот день мне не повезло, но, зато, я как следует изучил местность. Нашел на пристани небольшой рынок, где купил немного энчилады с сальсой и чимичанги. И сразу вернулся домой. Лаура уже не плакала, они с мамой пытались создать хоть какое-то подобие уюта в жалкой хижине. Отец, раздобыв где-то спиртное, храпел на циновке. Я отдал женщинам незнакомую еду. Это их обрадовало, словно я принес что-то невообразимо вкусное. До этого времени они сидели голодными. Глядя на них, я дал себе слово, что завтра

обязательно найду работу. Мои скудные денежные запасы подошли к концу. Ночью я опять устроился под навесом на циновке. Вновь налетели комары и какие-то жалящие насекомые. Я надел куртку, но было так непривычно жарко, что хотелось снять даже кожу. Думая, что в эту ночь, мне, скорее всего, опять не уснуть, я увидел как вышла Лаура. Она подошла ко мне и села рядом:

– Cariño Marcos. Mi vida, я принесла тебе веточку одного растения, оно прогонит всех насекомых. Возьми, чувствуешь запах? Я забыла как оно называется. Помнишь, когда я была маленькой, мы ходили вместе пасти коров? Старый пастух научил меня разыскивать этот куст. С тех пор, я всегда ношу с собой несколько веточек. Даже засохшие, они хорошо справляются. Вот, надень на шею и ложись спать.

Она надела мне на шею тесемку с привязанными к ней веточками какого-то резко пахнущего растения. Я закрыл глаза и стал думать о той далекой стране, где прошло мое детство. Увижу ли я ее еще когда-нибудь? Хочу ли я вернуться туда? Друзей у меня там не осталось, родных, тем более. Но там все было знакомым и от этого желанным. Через какое-то время меня перестали донимать насекомые, и я уснул. На заре, выпив воды из кувшина, я опять отправился на поиски работы и еды. Еще пара дней без еды – и я не смогу поднять даже себя.

В уже знакомой мне бухте, я увидел шхуну. На нее грузили тюки с товаром. Почти бегом я спустился с холма и подошел к человеку, следившему за погрузкой. Не надеясь на удачу, я спросил его, нет ли для меня работы? Он кивнул на тюки. Я стал таскать их вместе с другими мужчинами. Когда мы загрузили все на судно, я подошел к надсмотрщику за оплатой. Он оглядел меня очень внимательно, и спросил: Не хочу ли я уйти с ними в рейс? Я поинтересовался :как надолго? Узнав, что месяца на три, я отказался, сказав, что не могу оставить сестру и мать одних на такой долгий срок. Тогда он предложил мне приглядывать за бухтой. Если в ней окажутся пиратские корабли, я должен буду зажигать костер на вершине горы, что находится в пяти милях отсюда. На это я согласился. Получив свои деньги, я пять отправился на маленький рынок и купил буррито, это была обычная еда местных индейцев. Еще я купил сахарных палочек из тростника и незнакомые фрукты. В кармане осталось еще несколько монет.

Отца дома не было. Я отдал маме продукты и попросил расходовать их экономно. Пока я не найду постоянной работы. Согрев воды на маленьком костре, Лаура заварила какие-то листочки, и мы впервые нормально поужинали втроем.

Только на четвертый день я, наконец, обнаружил залив, где трудились ловцы жемчуга. На берегу сидел мужчина, видимо скупщик, он придирчиво рассматривал жемчужины, и называл цену. Индейцы громко спорили с ним, размахивая руками. Я сказал, что тоже хочу испытать удачу. Они посмотрели на меня и рассмеялись. Белые не умеют глубоко нырять, но запрещать не стали. Я разделся, оставив при себе лишь нож, выбрал тяжелый камень и прыгнул с ним с откоса в глубину. Мне очень пригодилось мое умение задерживать дыхание. С камнем я быстро опустился на дно и стал высматривать жемчужниц. На Корсике мы тоже доставали устриц из глубины, но делали это только для еды, там нет моллюсков, умеющих выращивать жемчуг. Теперь же надо было как можно быстрее найти раковины покрупнее и постарше. Дно океана поразило меня красотой. Рыбки самых немыслимых расцветок и форм, сновали перед глазами, не давая сосредоточиться, всевозможные мелкие и довольно крупные обитатели вытягивали щупальца и нитевидные отростки, в поисках добычи. Я стал задыхаться, и увидел на камне двух жемчужниц. Аккуратно срезал их и всплыл на поверхность. Разжав ножом створки раковин, раскрыл две половинки, они были пустыми. На это никто не обратил внимания. Я понял, что найти жемчуг будет совсем не просто. Я нырял и нырял, но все напрасно. Наконец-то, один раз мне повезло, в одной раковине я нашел жемчужину, величиной с маленькую горошинку. Я протянул ее скупщику, он рассмеялся и сказал, что такую мелочь я могу подарить своей девушке, она будет рада.

С тех пор я каждый день приходил в бухту. Чаще мне не везло, но иногда попадались совсем неплохие экземпляры. Вскоре у Лауры было уже довольно много мелких жемчужин. Она им радовалась, как все девочки радуются украшениям. Делать отверстия в жемчуге я не умел. Поэтому сплел из листьев пальмы коробочку, куда она складывала свои сокровища. Денег, которые я получал за крупные экземпляры нам вполне хватало. Однажды я даже купил двух живых индеек. Постепенно наша лачуга приобретала жилой вид, появилась кое-какая плетеная мебель, циновки, занавеска на окне. Сам я спал и фактически жил под навесом во дворе, полностью уступив комнату женщинам.

Отец опять куда-то исчез. Теперь он, то неожиданно заявлялся, пьяным и злым, то уходил посреди ночи, ничего никому не сказав. Он никогда не приносил нам еды, но всегда злился, если дома не было ничего съестного. Потихоньку мы привыкли к новому образу жизни. Мама и Лаура познакомились с соседями, пожилой индейской парой. Соседи относились к нам хорошо. Жалели нас, помогали освоиться, учили маму и Лауру плести циновки из тростника. Мне же хотелось переехать ближе к городу, туда, где можно было найти постоянную работу. Это было моей навязчивой мыслью. Каждый день я заходил на несколько минут к Падре Пио. Он всегда живо интересовался нашими делами. У меня вошло в привычку рассказывать ему абсолютно все. Добрый священник помогал нам всем, чем мог. Когда мне не удавалось заработать ни одного песо, он делился с нами хлебом, ободрял нас. Мы всегда следовали его советам, это нам помогло быстрее освоиться в чужой для нас стране. Но я все равно не терял надежды вернуться когда-нибудь на Корсику. Надо было только заработать три тысячи песо на проезд. Это были невероятно огромные для нас деньги. Мне было просто необходимо найти постоянную работу.

Тот день я помню так ясно, как будто это случилось вот только что. Это самый страшный день из всей моей жизни. Как всегда, с самого раннего утра я пошел нырять за жемчугом. Сначала мне совершенно не везло. К тому же один раз я чуть не задохнулся, неудачно оперся о камень на дне, и провалился в расщелину. Рука намертво застряла. Грудь распирало от боли и желания сделать хоть один глоток воздуха. Как я выбрался, ума не приложу. Видимо, мой час еще не пробил. Отдышавшись как следует на берегу, я снова нырнул туда же. Там, на самом дне лежал камень, тот самый, что чуть не убил меня. На нем были две особенно крупных жемчужницы. Я не стал рисковать, а вытащил на поверхность их вместе с камнем. На берегу я вскрыл моллюсков. О чудо! В обеих были жемчужины! Да такие крупные, что я и не предполагал, что такие бывают. Я побежал к скупщику. У него глаза на лоб вылезли, когда он увидел мой улов! Человек он был совсем не жадный, и всегда платил чуть больше остальных скупщиков. А тут, он вытащил из карманов все деньги, что были у него при себе, и пообещал завтра принести еще такую же сумму, за вторую жемчужину. Я отдал ему одну, а вторую спрятал у себя в одежде, пообещав больше никому ее не предлагать. На этом мы с ним и сговорились. В тот момент я был почти счастлив, у меня еще никогда не было так много денег за один раз.

Но радость моя быстро померкла, когда я увидел как в бухту заходит военный корабль под черным пиратским флагом. Все ныряльщики и скупщик исчезли так быстро, что я не успел и заметить. Рынок сразу опустел. Все разбежались, побросав свои вещи. Я тоже не стал дожидаться развития событий, а бегом отправился в горы, чтобы разжечь, как и обещал, костер. Дорога на гору оказалась не из легких, постоянные осыпи мелких камней и песка существенно затруднили мой подъем. С костром мне тоже пришлось долго провозиться. Я никак не мог высечь огонь. Наконец, сделав все как положено, уже в сумерках я торопился домой.

На душе было тревожно. Мне еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с пиратами. Но я знал много душераздирающих историй о зверствах берегового братства. А ведь Лаура и Кончита там совсем одни. Случись что-нибудь и за них будет некому заступиться.

Неподалеку от нашей лачуги я нагнал пятерых мужчин. Они особенно не торопились, спорили и ругались между собой. На мое счастье, я всегда ходил босяком, совершенно бесшумно. Привычка задерживать на долгое время дыхание тоже пригодилась. Подойдя совершенно бесшумно ближе, я услышал голос отца:

– Я же говорю! Щенка необходимо схватить, связать и бросить в трюм. Отпустить его можно будет только когда мы выйдем в море. Иначе он сбежит!

– Зачем он тебе? Что ты задумал? Если мальчишка не желает слушаться тебя – убей его, да и дело с концом!

– Он, хоть и сопляк еще, но сильный и изворотливый! К своим пятнадцати годам, он уже прибил троих! Но мне надо другое! Я хочу чтобы именно он убил Хосе Викторио де Васкеса!

– Зачем? Убей сам!

– Говорю же тебе, раз я так хочу, то так и будет! А вы его схватите! Особенно можете с ним не нянчиться! Если он получит несколько лишних синяков, то это ему только на пользу! А за это я вам отдаю двух шлюх! Мать и дочь! Обещаю, вам понравится! Особенно девчонка! Ее еще никто не трогал! Ха-ха-ха! Этот выродок будет за нее драться не на жизнь, а на смерть! Ха-ха-ха! Так ему и надо!– Он уже орал, жестикулируя и брызжа слюной.

Я еле-еле сдержал себя. Умом понимая, что с пятью взрослыми, вооруженными до зубов, мне не справиться. Они громко хохотали, смакуя подробности сделки. А я припустил к нашей лачуге, что было сил, опасаясь опоздать. Я обогнал их минут на десять, не больше. На мою удачу, Лаура вышла на дорогу, высматривая меня. Она всегда встречала меня, каким-то чутьем улавливая мое появление. Я схватил ее за руку, знаком показывая, что надо молчать, и потащил мимо дома в заросли кактусов. Позади нашей лачуги росли два огромных кактуса, выше человеческого роста, с длинными колючими ветками, похожими на змей. Мы спрятались за одним из них. В этот момент раздался нечеловеческий крик, его заглушила отборная ругань и звуки ударов. Потом из лачуги выскочил отец и два громилы. Они стали высматривать нас на дороге. К несчастью на небе взошла луна, стало светло.

– Они не могли далеко убежать! Идти им здесь некуда! Ищите их рядом! Они где-то здесь, говорю вам! Найдете их – девчонка ваша!

Лаура прижалась ко мне, и укусила себя за руку, чтобы не закричать от страха. Я схватил ее за другую руку и потащил, скрываясь за кактусами и тростником, в сторону гор, к церквушке. Про себя я молился, чтобы Падре Пио не ушел к больным. Мне даже в голову не приходило, что он тоже мог прятаться от пиратов. Мы выскочили из зарослей уже у самого подножия холма. Тут они нас заметили, и стали размахивая руками, громко ругаться. "Если священника не окажется на месте, мы погибли! Тогда мы с тобой бросимся в море! Лучше утонуть, чем попасть к ним в руки! Согласна?!" – сказал я Лауре. Она только кивнула в ответ, стараясь изо всех сил, бежать рядом со мной.

Мы подбежали к церкви и стали колотить в дверь. Она была заперта. Я кричал: "Падре Пио! Спасите нас!" Тут сбоку открылась часть деревянной стенки с небольшим окошком. В щель выглядывал Падре:

– Что случилось, Марко?

– Падре, спасите! За нами гонятся пираты!

Он приоткрыл щель чуть шире, мы протиснулись. Он тут же плотно закрыл потайную дверь на три засова. Она опять стала выглядеть как часть стены. Затем, не говоря ни слова, он провел нас в глубь комнаты к шкафам. Открыл одну дверцу, отодвинул в сторону заднюю стенку, и впихнул нас в узкое пространство за ней. Там было так тесно, что нам пришлось буквально вжаться друг в друга, чтобы Падре закрыл за нами тайник. Только он отошел от

шкафа, как в дверь церкви замолотили с огромной силой, требуя открыть. Но вокруг уже стояла тишина. Нам было очень хорошо слышны шаги и ругательства пиратов. Один из них предложил поджечь церквушку, но другой, видимо очень суеверный, сказал, что тогда им не будет удачи уже никогда. Они еще долго ругались между собой, а когда им надоело торчать у закрытой двери, отправились назад, вспомнив, что одна добыча у них все же есть.

Лаура беззвучно плакала, уткнувшись мне в грудь. Я чувствовал, как по моей голой груди текут девичьи слезы. В тот момент я четко осознал, что Хосе Игнасио Сантос нам совсем не отец. Отец никогда бы не отдал своих детей на растерзание мерзавцам.

Но не это стало для меня страшным осознанием. Нет, в тот момент случилось самое ужасное! Я вдруг понял, что обнимаю не сестру, не маленькую девочку, которую привык всю жизнь оберегать от невзгод, а красивую, и что самое страшное, желанную девушку! Что я люблю ее, но не как брат любит свою сестру, я люблю ее, как мужчина любит прекрасную, единственную женщину. Как только я это понял, мне показалось, что я падаю в ад! Внутри меня все кипело! Мозг разрывался! Сердце бешено колотилось в груди! Руки стали ледяными. Это была настоящая пытка!

Шло время... Но уйти, убежать, или хотя бы отодвинуться от Лауры, не было никакой возможности. Я закрыл глаза и стал молиться, сам не знаю кому. Хотел что-то сказать вслух и увидел, что Лаура, измученная пережитым страхом, просто уткнулась мне в грудь и уснула. Ее доверие ко мне было безграничным. Мы стояли так тесно, что она не могла упасть или сползти на пол. Места не хватало. Я нежно придержал ее за плечи и талию. И успокоился. Теперь я точно знал, что сам никогда не притронусь к ней, но и никому не позволю подойти к Лауре на расстояние вытянутой руки. Моя любовь и эгоизм сделают сестру несчастной. Мы обречены навсегда быть рядом, но не вместе. Я не мог допустить даже мысли, что кто-то захочет отобрать ее у меня. Любой похотливый взгляд постороннего мужчины на мою сестру вызывал во мне такой гнев, что руки непроизвольно сжимались в кулаки и тянулись к ножу, и мне казалось, что я не всегда смогу справляться со своей жестокой необузданностью.

Сколько времени прошло с момента нашего заточения – не знаю. Падре Пио постучал в перегородку поздней ночью. Он выпустил нас размять ноги и попить воды. Потом опять закрывая нас в тайнике, попросил и дальше хранить молчание. Малейший звук разносился окрест, и мог вызвать у пиратов ненужное любопытство. В этой щели мы провели несколько дней, выбираясь наружу на короткие мгновения, предпринимая при этом большие предосторожности. Потом Падре сообщил нам, что пиратский корабль отчалил, можно выходить. Наш отец ушел на нем в дальний поход к берегам Аргентины. Об этом священнику сообщил один крестьянин, который видел, как мой отец, вместе с другими пиратами, грузил на корабль бочки с пресной водой. Я горячо поблагодарил Падре за наше спасение. Он грустно улыбнулся мне, сжал руку, и сказал чтобы мы крепились. Мы с Лаурой заторопились домой, священник взял с собой холщовую сумку и пошел вместе с нами.

То, что мы обнаружили дома, я никогда не смогу забыть! Кончита, истерзанная до неузнаваемости, вся в крови, скрючилась на полу на циновке. Она была в бессознательном состоянии. Можете себе только представить, что с ней сделали эти звери! Лаура бросилась к матери, но не смогла даже дотронуться до нее. Ей было страшно. Она смотрела на меня огромными глазами, на лице у нее была такая гримаса боли, словно она чувствовала все, что испытывает в этот момент Кончита. Я вышел во двор. Разжег огонь в крошечной печурке и вскипятил в чайнике воду. Падре Пио вместе с Лаурой вымыли Кончиту, насколько это было возможно. Потом Лаура стала маленькими каплями вливать ей в рот воду.

Несколько дней мы дежурили у лежанки матери. Она была очень плоха. В себя она стала приходить только на третий день. Сначала ничего не понимала и не узнавала нас. Потом увидела меня и по ее щеке поползла слеза. Я понял, что память стала к ней возвращаться. Потом она увидела Лауру и разрыдалась в голос. Еще через пару дней она встала. Днем пыталась что-

то делать, не выходя из комнаты, а вечером садилась в угол и закрывала голову руками. Смотреть на это было невыносимо. А еще, Кончита стала бояться всех мужчин без исключения. Только мне удастся справиться с ней, когда у нее начинаются истерики. Но если бы только на этом закончились все неприятности, выпавшие на долю бедной женщины...

Пришло время решать наше будущее. Денег, которые мне заплатили за жемчужину было достаточно чтобы навсегда уехать из этого места. Вот только куда? Я пошел за советом к Падре Пио. В моей жизни, наконец-то, появился мудрый друг. Я, как всегда, рассказал ему все без утайки. Особенно о своих страхах за жизнь Кончиты и Лауры. Здесь оставаться нам нельзя. В любой день могли вернуться пираты. Наша жизнь висела на волоске. А еще я рассказал о своей любви. Эта ситуация представлялась мне безвыходной. Падре Пио отнесся к ней с большим вниманием.

– Сын мой, скажи мне, ты знаешь грамоту? Умеешь ли ты читать?

– Нет, Падре. Никто и никогда не учил меня. Считать деньги я научился, хвала небесам. А вот буквы для меня остались загадками.

– Мне кажется, что твоему горю можно помочь. Если ты сейчас начнешь постигать грамоту, голова твоя будет занята. И тебе будет некогда ее ломать над проблемами, где человек бессилен что-либо изменить. Это не вылечит твою душу от греховных мыслей и чувств. Но это поможет тебе понять и принять твою судьбу такой, какая она есть. А еще ты сможешь изменить свою жизнь. Знания и умение ими распорядиться принесут тебе больше, чем твое умение задерживать дыхание при ловле устриц. Если ты будешь прилежно постигать науки, ты сможешь найти такую работу, которая позволит тебе жить достойно, как человеку, а не владеть жалкое бремя скота.

– Но кто же сможет научить меня всему? Я готов день и ночь заниматься. Только бы узнать все.

– Я мог бы научить тебя всему, что знаю сам. Но меня переводят настоятелем монастыря в Чильпансинго. На днях я уезжаю отсюда.

– Падре, возьмите нас с собой! У меня есть деньги! Я смогу там как-нибудь устроиться. Я найду себе работу. А когда у Вас будет время, Вы сможете научить меня читать и писать. Клянусь, я буду прилежным учеником.

– Хорошо, Марко. Вот только у меня маленькая повозка. Боюсь, что моя старая кляча не сможет увезти нас всех. А другую повозку мне купить не на что.

– Падре Пио! Я сам куплю повозку. Я сделаю все, что Вы скажете. Когда мы сможем уехать?

– Я собираюсь в дорогу на той неделе, сразу после воскресной службы. Сюда должен прийти новый священник. Я передам ему ключи от церкви. И ... в путь.

– Тогда я пойду собираться. Как только Вы скажете, мы будем готовы!

Я вернулся домой счастливый от того, что моя мечта начала исполняться. Рассказав Кончите и Лауре о своем разговоре со священником, я пошел на пристань на рынок, чтобы купить лошадь и повозку. Наказав женщинам собирать вещи. Они обе так обрадовались, что даже не спросили, куда мы едем. Нам всем хотелось убраться из этой лачуги навсегда и забыть все, что здесь случилось.

И вот настал день, когда Падре Пио сказал, что пора отправляться в дорогу. Я погрузил в повозку наше нехитрое добро, помог женщинам устроиться внутри поудобнее, взял в руки длинный прут, и направил свою лошадку к дому священника.

До Чильпансинго мы добирались почти три дня. Чем дальше мы уезжали от нашей лачуги, тем радостнее становилось на душе. Денег у меня оставалось достаточно, чтобы найти жилье и прокормиться еще какое-то время, пока я буду искать себе работу. В крайнем случае, у меня еще оставалась одна жемчужина. Если она стоит также дорого, как и предыдущая, то вообще беспокоиться было не о чем.

Чильпансинго нам понравился. Хоть и не большой, но все-таки город. Непривычно шумный и пестрый. Какого только народа мы там не увидели! Индейцы в пестрых нарядах, магометане в черных одеждах, испанцы в вышитых камзолах и широкополых шляпах, мексиканцы в расшитых куртках, штанах и сомбреро! Все куда-то спешили, громко говорили на смеси разных языков. К своему удивлению, я их понимал. Не то что полгода назад, когда мы только приехали в Мексику. Найти жилье оказалось очень просто. Сразу за оградой монастыря я снял крохотный домик из двух небольших комнат и маленького сада-огорода. Там уже росли местные специи, перец и несколько апельсиновых деревьев. Лаура и Кончита захлопали в ладоши, увидев это чудо. Мало того, оказалось, что в нашем саду есть собственный ручеек с чистой водой. Это было здорово! Хозяйка домика, старая индианка, перебиралась к своей дочери, и была рада, что нашла себе постояльцев. Скажу Вам, Падре, сразу, в этом домике прошли мои самые счастливые годы. Мы прожили там всего три года, но это были самые лучшие годы за всю предыдущую жизнь.

В домике было очень чисто и уютно. Все мебель была плетеной, и ее было достаточно. На полке стояли глиняные чашки и кружки, отдельно лежали два старых истонченных, но очень острых ножа. Во дворике была сделана печь с чугунным листом, заменяющим сковороду и чугунный горшок с крышкой – для супа. Нам все это показалось настоящим богатством. Я сходил на рынок и купил все, что необходимо для приготовления пищи. Кроме этого я купил несколько живых куриц и петуха. Теперь у нас будут яйца и мясо. Судьба, наконец-то повернулась к нам добрым лицом.

С самого утра и до вечера я ходил по городу в поисках работы, пока ничего не получалось. Но я не унывал. Каждый вечер я приходил к священнику, он начал обучать меня грамоте. Я старался изо всех сил, но учеба давалась трудно. Чтобы научиться писать, я изготовил восковую дощечку, на которой было удобно острым гвоздем выводить закорючки букв. Если что-то не получалось, можно было легко затереть и писать заново. По прошествии какого-то времени, Падре Пио, после одного из наших занятий, сказал мне что есть один человек, с которым он говорил обо мне.

На следующий день, торопясь на занятия к священнику, я столкнулся у него с незнакомцем. Это был высокий, почти одного роста со мной, уже не молодой человек. Лицо и руки у него были почти черными от загара, видимо он постоянно находился на жарком солнце. По расшитому цветными нитками и бисером костюму, я понял, что это богатый человек.

– Вот, сеньор Алонсо, это и есть Марко. Я говорил Вам о нем. – тихо проговорил Падре Пио.

– Но он совсем еще ребенок. И к тому же белокожий. Такие плохо выживают в нашем климате и быстро устают. – С сомнением в голосе сказал незнакомец.

– Это очень крепкий мальчик. На побережье он добывал жемчуг, чтобы прокормить мать и сестру. И у него неплохо получалось. Он давно уже заботится о своей семье.

Сеньор Алонсо подошел ко мне вплотную, взял меня за подбородок и покрутил мою голову из стороны в сторону, рассматривая лицо. Потом заставил согнуть руку и пощупал ее у плеча. Хмыкнул и спросил:

– Ты умеешь обращаться с быками?

– Да, сеньор. Я умею ухаживать за быками.

– Я говорю о быках, а не о коровах. Ты понимаешь разницу?

– Да, сеньор. На Корсике я ухаживал за черными быками.

– Это хорошо. Приходи завтра с самого утра ко мне домой. Я сам посмотрю, что ты умеешь.

Помню, что всю ночь просыпался, боясь проспать. Едва взошло солнце, я бегом отправился к дому Дона Алонсо. Он долго расспрашивал меня за какими быками я ухаживал, как они выглядели, что я умею. Я отвечал очень подробно, стараясь припомнить всю работу, какую выполнял. Дон Алонсо остался доволен моими ответами и взял меня к себе на работу. Я был счастлив вдвойне. Во-первых, это была настоящая работа, а во-вторых я опять занимался быками. Здесь они были еще крупнее, чем на Корсике. Только не такие злые. Чтобы заставить их бегать, мне приходилось долго и упорно дразнить флегматичных животных. Но если их разозлить как следует, то остановить их было почти невозможно. Пару раз я опять загонял самых буйных в реку, чтобы успокоить. Дон Алонсо, видя как я стараюсь, был доволен.

Чего не скажешь о других работниках. Особенно меня ненавидел Леон. Креол, невысокий, с характерной внешностью, свойственной индейцам, он, тем не менее их презирал, кичился, что у него отец испанец. Себя он считал знатоком своего дела. Хотя мне было понятно, что он совсем не умеет находить подход к животным. Быки в его стаде были худыми, у некоторых сломаны рога. Таких быков убивали на мясо.

Я же возился со своими бычками, как с детьми, не позволяя им наносить себе увечий. Они должны были в течение трех-шести лет набрать вес, силу и ловкость, чтобы выступить на празднике. Дон Алонсо ежедневно объезжал свои стада, проверяя как у нас идут дела. Ни разу он не высказал своего недовольствия, видя как я управляюсь. А однажды, наблюдая мои занятия с особенно ленивыми бычками, он сказал, что я прирожденный тореадор. Слово мне понравилось, но я не знал что оно обозначает.

Вечером, на занятиях у Падре Пио, я спросил его, кто такой тореадор? Священник снял с полки толстую книгу и развернул ее передо мной. На развороте был нарисован красивый мужчина в красном, расшитом золотом и камнями костюме. Он махал перед мордой быка желтым плащом. Бык был готов растерзать дерзкого забияку. Я был поражен! Вот она – моя мечта!

– Падре, что написано в этой книге?

– Это сочинения Тирсо де Молины. Когда ты сможешь читать самостоятельно, я разрешу тебе прочитать эту книгу. – Улыбаясь, ответил священник.

Прочитать текст я еще не мог, не знал всех букв. Теперь же я стал заниматься еще прилежнее, чтобы однажды прочитать удивительную книгу. Это оказалось совсем не легко. Даже зная уже какие-то буквы, я не мог сложить их в звуки, не понимал, как надо. Дома я доставал свою восковую дощечку и острием заточенного гвоздя снова и снова выводил буквы. Так до поздней ночи.

Однажды Лаура спросила, чем я занимаюсь по ночам. Я показал ей. Она удивилась и тоже захотела выучиться читать и писать. Я согласился рассказывать и показывать ей наши уроки. Сделал еще одну восковую дощечку и заказал у кузнеца острый гвоздь. Теперь мы вдвоем старательно выводили крючки и закорючки букв, которые мне задавал Падре Пио. Я поделился с сестрой своей мечтой, рассказав про книгу, в которой видел портрет тореадора. Она слушала меня как завороженная.

– *Caríño Marcos. Mi vida*, расскажи, а какой был у него костюм! Пожалуйста!

– Лаура, *Mi niña preciosa*, он был красный, весь расшитый лентами, кисточками, золотыми нитками и бусами. Очень красивый.

– Как бы я хотела посмотреть на это чудо!

– Когда я выучусь читать, Падре Пио обещал дать эту книгу почитать. Я тебе обязательно покажу.

У нас появилась общая мечта – научиться читать, и прочитать все книги, чтобы узнать все о тореадорах.

Дни шли, все было хорошо и прошлые беды стали забываться. Лаура и Кончита по-прежнему вызывали на улице нездоровый интерес у всех без исключения мужчин. Особенно Лаура.

Сначала она просто прятала волосы под платок, но это помогало мало. Я сильно беспокоился за нее. Женщин часто воровали, чтобы потом продать и увезти в колонии. Тогда они стали носить черные балахоны и накидки, как у монашек, чтобы не выделяться в толпе. А чтобы я не беспокоился, они выходили на улицу только со мной. Все остальное время они проводили внутри дома. Шили, вышивали, плели циновки и готовили еду.

Однажды Падре Пио спросил:

–Марко, ты говорил, что твоя сестра хорошо шьет и вышивает. Это так?

–Да, Падре. Она хорошая мастерица.

– Скоро будет большой праздник. По улицам города понесут статую Девы Марии. Я хочу попросить твою сестру подшить покрывало, оно кое-где обтрепалось и уже не выглядит нарядно.

–Хорошо, Падре. Я приведу Лауру завтра с самого утра. Она все сделает.

Дома я сообщил сестре о просьбе священника. Она с радостью согласилась. Собрала в корзинку нитки, иголки, и все, что необходимо. На заре я отвел ее в монастырь к Падре Пио, а сам побежал на свою работу. Вечером, после занятий, я забрал сестру, и мы пошли домой. Она сказала, что в монастыре для нее много работы. И она теперь каждое утро будет ходить туда. Мне это понравилось. Я теперь был спокоен за сестру. В стенах святой обители ей ничто не угрожало. Однажды, когда мы занимались письмом с моим учителем, а Лаура тихонько сидела у окна и что-то шила, я попросил Падре Пио еще раз показать нам книгу с портретом тореадора. Он улыбнулся и вытащил из шкафа толстую книгу. Положил ее на стол и позвал Лауру. Она даже покраснела от волнения, когда увидела рисунок. Долго-долго рассматривала каждый узор, каждую ленту, потом прочитала по слогам: "Коррида в Севилье".

–Ты умеешь читать?– Удивленно спросил Лауру учитель.

–Да, Падре. Меня Марко научил.– Тихо ответила Лаура.

–Вот, смотри, Марко. Твоя сестра уже хорошо читает, а ты?

– Да, Падре. Я очень этому рад. Но у меня не выходит соединять между собой буквы. Я уже все их знаю, а прочитать не могу.– Горестно сказал я.

Падре принес еще одну тоненькую книжку и вручил ее мне.

–Это молитва к Святой деве Марии. Вы с Лаурой сможете вдвоем прочитать и выучить ее наизусть.

Так я научился читать. Дальше стало намного легче. Писать и считать мне уже было совсем легко. А когда я стал быстро читать по-испански, Падре Пио стал обучать меня латыни.

Так прошли три года. Мне исполнилось, наверное, девятнадцать лет, а Лауре семнадцать. Я все ждал и надеялся, что когда-нибудь опять смогу смотреть на нее как на свою сестру. Но, несмотря на все мои усилия, моя любовь только крепла. Это мучило меня. Бывали моменты, когда я кусал себе руки до крови, чтобы не показать Лауре, как люблю ее. Особенно, когда она доверчиво прижималась ко мне или шевелила мне волосы, или называла "Cariño Marcos. Mi vida". Падре Пио тоже не знал, как помочь моей беде. Он только заставлял меня учиться и занимать голову знаниями, и молиться. Хвалил за мое терпение.

Лаура все так же ходила в монастырь помогать Падре. Для нее всегда находилась работа.

Видимо там, или на улице, не знаю где, но однажды ее увидел Леон. Я уже говорил Вам, Падре, что он ненавидел меня. Я не знаю за что. Но это чувство захватило его с первого дня. Он всячески мне вредил, но это меня мало задевало. К своему стаду я его не подпускал и близко, а сплетни и угрозы меня совсем не трогали. После издевательств моего отца, меня было трудно задеть.

Но тут у него возник безумно гадкий план. Подговорив трех таких же мерзавцев, он решил украсть у меня Лауру. Однажды, убедившись, что я еще занимаюсь с молодыми бычками, они пробрались в наш сад, но просчитались. Вместо Лауры, они схватили Кончиту. Накинули ей на голову пончо, связали и как мешок кинули поперек седла лошади. Просто каким-то

чудом я увидел, как они отъезжают от нашего домика. Не раздумывая ни минуты, я погнался за ними. Догнал их уже у подножия холмов. Они особенно и не торопились. Видимо не думали, что я смогу дать отпор четверем негодьям. А зря. Самое плохое, что Леон, увидев, что поперек седла лежит не Лаура, а ее мать, столкнул бедную женщину на землю. Она, неудачно упав, повредила себе спину. Тогда я впервые озверел. Мне было обидно, ярость захлестнула меня с головой. Я не помню, что и как я сделал, но когда сознание стало возвращаться ко мне, все четверо корчились на земле, захлебываясь в крови. Мне было некогда, да и особо не хотелось к ним подходить. Я склонился над Кончитой, она лежала в неестественной позе, как сломанная игрушка.

–Кончита, милая! Ты жива?– я бережно приподнял ей голову и погладил по волосам.

По щеке у нее поползла слеза:

– Я страшная грешница. Наверное, нет мне прощения за все мои грехи.– Она плакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.